

Убемм Уламу

СПИСАН СО СЧЕТОВ

Иветт Шати

Списан со счетов

<https://litres.ru/74567849>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максимилиан Халгрейм знает, как умрёт. Год назад он вспомнил прошлую жизнь — и понял, что живёт в книге, которую не дочитал. Книге, где он — персонаж заднего плана, убитый собственным отцом в первых главах. Смерть обставят как самоубийство, а расследовать её приедет лучшая ищейка империи — графиня Иветт Равилофт.

У него месяц. Месяц, чтобы стать достаточно заметным, чтобы убить его было нельзя. Месяц, чтобы выжить. Он не знает конца истории — и это единственное, что может его спасти.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Иветт Шати

Списан со счетов

Глава 1

Ночь пахла мокрым камнем, порохом и дымом. Дождь то стихал, то снова принимался сеять мелкую, злую морось, и в свете одинокого фонаря лужи казались чёрными зеркалами.

Беггерт стоял, привалившись плечом к стене, и растирал ушибленную руку. Его мундир подпоручика полиции был расстёгнут, фуражка съехала на затылок, а на лице застыла смесь досады и весёлого отчаяния.

Максимилиан вытирал руки платком. Кровь была не его.
— Вы бессовестны, герцог Халгрейм, — с усмешкой проговорил Беггерт, покосившись на обездвиженного преступника в ногах Максимилиана. — Снова увели у меня дело из-под носа, став героем.

Максимилиан аккуратно сложил платок и убрал его в карман.

— Позвольте, дорогой друг, я лишь слегка решил вам помочь. Вовсе не увести дело. И перестаньте звать меня герцогом. Я отрёкся от рода, так что не имеет никакого смысла передо мной лебезить.

— Максимилиан Халгрейм, — Беггерт покачал головой.

— Вот уж чего я не понимаю, так это почему вы сразу не встали на руководящую должность, как вам и полагалось, а носитесь со мной наравне по таким мелким поручениям. Стоит ли эта игра свеч?

Максимилиан посмотрел на него внимательно, без улыбки. В свете фонаря его лицо казалось сухим и спокойным — слишком спокойным для человека, который только что задержал опасного преступника.

— Беггерт, Беггерт, — тихо сказал он. — Вы, видимо, плохо знаете своего товарища по оружию, раз рассуждаете только из таких мыслей. К тому же всё-таки здесь мы не дурака валяем ради выплат.

— Но повысят-то вас за сегодняшнее дело, не так ли? — Беггерт хмыкнул. — Ха-ха. Вы более бессовестны, чем я полагал. Завидую вам белой завистью. А точнее — вашим способностям. Не зря вы так быстро расправляетесь с работой.

Он кивнул в сторону преступника — того самого серийного нападавшего, которого выслеживал уже месяц. Тот лежал лицом вниз, связанный, и только хрипло дышал, приходя в себя после удара.

— Но на этом позвольте пожелать: после перевода в другую часть не забывайте меня, мой товарищ. А я откланяюсь.

Он засмеялся, поправил фуражку и шагнул в темноту переулка.

— Постойте, — Максимилиан нахмурился. — О каком переводе?

Беггерт обернулся. В его глазах мелькнуло удивление, а затем — довольная искра.

— А вы разве не знаете? Приказ уже в канцелярии. Мне сказал писарь. Вас переводят. — Он развёл руками. — Так что, герцог... простите, Максимилиан. Похоже, сегодня мы прощаемся. Этого доведёте до нужного пункта? Раз уж решились вмешаться в моё дело?

Он исчез в переулке. Шаги его ещё некоторое время звучали по мокрым камням, а потом стихли.

— Ну пошли, теперь тебе светит радушный приём в нашем участке, — сказал Максимилиан.

Молодой и уже известный полицейский, добившийся невообразимых успехов и поднявшийся по карьерной лестнице за кратчайший срок, он поднял преступника за шиворот и повёл в нужном направлении. Люди за полгода его службы прозвали его адской ищейкой: хоть он и был юнцом, он был хитёр и умел докопаться до сути, даже если это казалось невозможным. Как говорится, если вцепится — не отпустит.

Преступник оказался тяжелее, чем выглядел. Он обмяк, но не сдался: ноги волочились по мокрым камням, голова моталась, а изо рта вырывалось глухое, злое бормотание. Максимилиан не обращал на это внимания. Он шёл ровно, держа задержанного так, чтобы тот не мог ни вырваться, ни упасть. Дождь прибивал пыль к мостовой, фонари горели через один, и город казался вымершим — только где-то за уг-

лом перекликались ночные сторожа да изредка проезжала запоздавшая пролётка.

Участок стоял на углу Чугунной и Темницкой. Низкое каменное здание с облупившейся краской, с двумя фонарями у входа и вечно перекошенной дверью. Внутри пахло сыростью, махоркой и старыми бумагами. За стойкой дремал дежурный урядник Сильбастер — широкоплечий мужик с седым усом и лицом человека, который давно перестал удивляться чему-либо.

Он поднял голову, когда дверь звякнула.

— Опять вы, ваше благородие? — Сильбастер зевнул, перекрестил рот. — И кого это вы притащили?

— Того самого, — коротко ответил Максимилиан. — Ночной нападавший. Тот, что месяц пугал женщин на Прядильной.

Сильбастер мигом проснулся. Поднялся, выглянул из-за стойки, присвистнул.

— Тот, которого Беггерт ловил?

— Он самый.

— Так это же дело Беггерта...

— Уже нет, — Максимилиан усадил задержанного на скамью у стены. — Вернее, теперь оно наше общее. Беггерт в курсе.

Пленник вскинул голову. Лицо у него было разбито, один глаз заплыл, но в другом горела злоба.

— Вы пожалеете, — прошипел он. — У меня есть покро-

вители. Вы не знаете, с кем связываетесь.

Максимилиан посмотрел на него спокойно, без тени интереса.

— Знаю, — сказал он. — Поэтому и связался.

Сильбастер хмыкнул и пошёл будить пристава.

Пристав участка, Кардиан Гарджиас, вышел в коридор за-
спанный, в накинута на плечи сюртуке, с трубкой в зубах. Увидев Максимилиана и задержанного, он вздохнул так тяжело, словно ему принесли не преступника, а ещё одну гору бумаг.

— Халгрейм, — проворчал он. — Вы почему не спите по ночам, как все нормальные люди?

— Служба, — ответил Максимилиан.

— Служба у всех. Но не все ловят серийных душегубов вместо того, чтобы дать это сделать другим.

— Он мог уйти. Я не мог позволить.

Пристав подошёл ближе, посмотрел на Максимилиана. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение, но он тут же спрятал его за ворчанием.

— Ладно. Оформим. Только в рапорте я напишу, что задержан совместно с подпоручиком Беггертом. Нечего чужую работу себе приписывать.

— Согласен, — кивнул Максимилиан.

— А вы, я смотрю, не рвётесь в начальство. Станный вы человек, Халгрейм. Молодой, способный, с именем... а служите так, будто вам здесь мёдом намазано. В любом случае

завтра вас переведут. Хотел сообщить с утра, но вы вновь отчудили.

Максимилиан не ответил. Он снял промокшую фуражку, провёл рукой по белым волосам и посмотрел в окно. За стеклом серел рассвет. Дождь почти стих, только редкие капли стучали по жестяному карнизу.

— Ступайте домой, — Гарджиас устало потёр переносицу, глядя уже не на подчинённого, а куда-то в сторону. — Вы поедете в столицу, а значит, вам лучше попрощаться с семьёй перед отъездом.

— Благодарю вас.

Максимилиан откланялся и покинул участок. Дождь закончился, оставив лишь свежесть в воздухе. Мужчина выдохнул.

— Домой... значит? Надо бы повидать сестру...

Около года назад Максимилиан вспомнил свою прошлую жизнь.

Тогда он был неприметным и болезненным подростком. Лёжа в больнице, он читал всё, что попадало под руку, — не имея возможности ходить, он жил чужими историями. Но одна книга оказалась не просто историей. Она оказалась его будущей жизнью.

Судьба — интересная штука.

Сейчас он мог ходить. Был здоров и силен. Красавец и завидный жених, выходец из известного рода, молодая легенда газет — статьи о нём заставляли трепетать сердца моло-

дых дам. Голубые глаза и пепельно-белые волосы, высокий рост — внешность ангела. Ему было двадцать три, а не пятнадцать, как в той жизни. Но книгу... он тогда не дочитал. Не успел. Поэтому знал лишь первые главы и аннотацию.

Он был персонажем заднего плана, умершим в первых главах. От рук собственного отца — точнее, из-за него. Отец свалил все свои незаконные деяния на единственного сына, а когда понял, что сын может заговорить, подослал наёмников. Смерть обставили как самоубийство — будто бы Максимилиан не выдержал тяжести грехов и сам оборвал свою жизнь. Всё же автору нужно было убрать персонажа, чтобы завязать сюжет. А после молодая девушка графиня Иветт Айлиз ван Равилофт — главная героиня — расследует это дело и врывается в главные события: интриги, секреты и заговоры.

Прознав истину, парень отрёкся от титула и имени рода. Он решил своими силами добиться поимки отца до того, как умрёт. А желательно — и вовсе избежать смерти. Сейчас он здоров, его жизнь впереди, и он ни за что не хотел упустить этот шанс. С того времени он вступил на службу.

Но почему он пошёл именно этим путём? Почему не обратился в суд, не рассказал правду, не использовал связи рода?

Ответ был прост и жесток.

Во-первых, у него не было доказательств. В той жизни он умер слишком рано — до того, как успел собрать хоть что-то. Он знал правду, но знание без бумаг и свидетелей ничего

не стоило. В этом мире слово дворянина против слова дворянина решало не правота, а вес рода и связи. А его отец, герцог Эмилиано де Розенетт Халгрейм, был не просто дворянином. Он был одним из тех, кто вершил судьбы за кулисами трона.

Во-вторых, отец был слишком могущественен. Он не просто имел деньги и титул — он имел людей. В канцеляриях, в судах, в полиции. Если бы Максимилиан открыто бросил ему обвинение, он бы не дожил до суда. Его бы убили тихо, как убили в книге, и снова обставили бы всё как несчастный случай или самоубийство. Отец умел замечать следы. Он делал это годами.

В-третьих, он не мог убить отца. Не потому, что жалел. А потому, что это ничего бы не изменило. Смерть герцога Халгрейма вызвала бы громкий скандал, расследование, которое непременно вышло бы на сына-преступника. Его бы обвинили в отцеубийстве в борьбе за наследование титула. И тогда он потерял бы всё: имя, свободу, жизнь, мать и сестра остались без дома и покровительства. А главное — правда так и осталась бы погребённой. Отец умер бы как уважаемый человек, а сын — как убийца.

Значит, нужен был другой путь.

Ему нужна была сила, которая не зависит от рода. Сила, которую нельзя отнять приказом или интригой. Сила, которая позволит ему копать под отца открыто — и при этом оставаться неуязвимым.

Такой силой был закон. Но не тот закон, что продаётся за деньги, а тот, что держится на репутации, чине и людях, которые тебе верят. Ему нужна была служба. Полиция. Место, где он мог начать с нуля, заработать имя, обзавестись связями, собрать доказательства — и однажды предъявить их отцу в лицо. Не как сын, которого можно убить, а как офицер, которого нельзя тронуть без последствий. Он пошёл в полицию не ради славы и не ради денег. Он пошёл туда, потому что это был единственный путь, на котором он мог выжить, оставаясь собой. Путь, где он мог стать достаточно сильным, чтобы не бояться. Достаточно заметным, чтобы его смерть вызвала вопросы. Достаточно честным, чтобы однажды его слово перевесило слово отца. Он не хотел быть героем. Он хотел быть живым. И сейчас его ждал новый этап — столица.

На дворе стоял сентябрь. Остался месяц до той самой даты, с которой начался сюжет книги.

Максимилиан остановился посреди пустой улицы. Ветер гнал по мостовой мокрые листья, где-то далеко прогремела запоздалая телега, и снова стало тихо. Он стоял и смотрел в серое, предрассветное небо, чувствуя, как в груди поднимается что-то холодное и тяжёлое.

— Месяц, да? — тихо сказал он себе. — Если я переживу его, то она не явится сюда для расследования?

Он выдохнул. Долго, медленно, глядя, как пар изо рта тает в холодном воздухе.

— Может, оно и к лучшему. Не хочу я видеть, как такое

хрупкое создание подвергает себя смерти раз за разом.

В начале октября. Именно через месяц. В книге в этом городе его нашли бы мёртвым. Наёмники отца сделали бы свою работу тихо и чисто. Ни следов, ни свидетелей, ни вопросов. Однако это дело попало бы к ней.

Графиня Иветт Айлиз ван Равилофт.

Единственная, кто не закрыл бы глаз на произошедшее.

Он знал о ней больше, чем следовало. Парень как раз дочитал книгу до её появления. Девушка была на обложке — хрупкий цветок, сильнейшее оружие империи. За счёт ума она была известна уже в восемнадцать лет. Золотые волосы, изящность лебедя — вот что о ней говорили. Но что странно: такую именитую личность, которой доверяют сложнейшие запутанные задания во всей империи, отправили расследовать его дело. Дело о самоубийстве. Обычный для полиции случай, закрытый спустя три дня.

Аннотация на обороте книги до сих пор стояла перед глазами — короткая, цепкая, как крючок:

«Однажды тёмной ночью отец погубил своего сына. Бесстрашная графиня врывается и расследует дело, обнаруживая... А что обнаруживая? Секреты великого города. Сможет ли она остаться в живых или...»

Максимилиан помнил, как тогда, в больничной палате, эта строчка его зацепила. Он лежал и думал: ну кто так пишет аннотации? Что за «или...»? Куда обрывается фраза? Но именно это «или...» и заставило его открыть первую стра-

ницу. Максимилиан закусил губу и нахмурился, продолжая идти.

— Может, я что-то упустил? — пробормотал он себе под нос. — Что же произошло дальше в той книге? Сколько ни думаю — не сходится. Либо автору нужен был поворот для сюжета, и он не продумал, либо есть причина, по которой она заинтересовалась этим делом. Либо, зная связи отца... это дело куда глубже, чем я предполагал. Но тогда ей бы просто не позволили расследовать. Так?

Он остановился, поёжился от холода и снова пошёл. Мысли путались. Одно он знал точно: в книге она взялась за его дело не случайно. Графиня ван Равилофт не бралась за пустые дела. Если она приехала в этот город, значит, за его смертью стояло нечто большее, чем просто отец, замещающий следы. «Секреты великого города», — вспомнил он строчку из аннотации. Тогда, в прошлой жизни, это звучало как красивая фраза. Теперь он знал: за ней стояли реальные люди. Реальные тайны. Реальная кровь.

Но в чём был её интерес? Что она искала? Ответа у него не было. Книга обрывалась на первых главах её расследования — дальше он не успел прочитать. И это бесило больше всего. Он знал начало, знал свою смерть, знал, кто за ней стоит, — но не знал, чем всё закончилось. Может быть, она раскрыла правду. Может быть, погибла сама. Может быть, отец добрался и до неё.

— Бессмыслица, — выдохнул парень. — Этого уже не

должно произойти.

Но чувство беспокойства не уходило. Оно сидело где-то под рёбрами, холодное и острое, как заноза.

Он уезжал. Столица — далеко. Настолько далеко, что отец при всём желании его не достанет. По крайней мере, не сразу.

Значит, время было. Он подошёл к дому, отпер дверь и вошёл. В комнате было темно и тихо. Пахло пылью и старыми книгами.

За окном светало. Город просыпался. А Максимилиан так и не сомкнул глаз этой ночью. Он лежал на кровати, глядя в потолок, пока за окном чернота медленно сменялась серой хмарью рассвета. В голове крутились обрывки мыслей. Он изменил сюжет? Возможно. Но что это значило для книги? Для всего, что должно было случиться после его смерти? Максимилиан не знал. Но впервые за год он почувствовал, что держит свою жизнь в собственных руках. В книге он был другим. Слабым. Преданным. Глупым мальчишкой, который из кожи вон лез, чтобы заслужить хоть каплю отцовского внимания. Он бегал по поручениям, подписывал бумаги, не читая, закрывал глаза на грязные дела, лишь бы отец похлопал его по плечу. Лишь бы сказал: «Молодец, сын». Он был лёгкой мишенью — потому что сам подставлял шею. Потому что верил. Потому что любил отца, который никогда его не любил.

Но сейчас всё было иначе.

Он знал, что отец не простит. Не потому, что любил, а потому, что не терпел неповиновения. Он привык, что сын — его инструмент, его мальчик на побегушках. А теперь этот мальчик вырос, вырвался и стал угрозой. Отец не мог этого оставить. Рано или поздно он попытается достать сына. Но не сейчас. Сейчас у молодого человека было алиби — служба, постоянное нахождение в участке или на работе с напарниками. Отцу будет сложнее перевести стрелки на него. Тем более убить. Слишком много свидетелей. Слишком заметная фигура. Адская ищейка, молодая легенда газет — не тот человек, которого можно тихо убрать без последствий. Отцу будет сложнее перевести стрелки. Тем более подобраться.

Когда первые лучи солнца тронули край неба, он поднялся. Тело затекло, в горле пересохло, но он не стал задерживаться. Собрал вещи быстро, привычно — за год службы он научился складывать жизнь в один дорожный сундук. Мундир, сменная рубашка, бумаги, немного денег, старая книга без обложки, которую он так и не решился выбросить. Всё.

Он застегнул ремни, поставил сундук у двери и выпрямился. В комнате было тихо. Только часы на стене — старые, с облупившейся позолотой — мерно отбивали секунды. Максимилиан посмотрел на них, и в голове всплыли слова пристава.

«Ступайте домой. Вы поедете в столицу, а значит, вам лучше попрощаться с семьёй перед отъездом».

— Стоит, пожалуй, увидеть сестру, — проговорил он в

пустоту.

Но тут же взгляд упал на часы. Стрелки неумолимо приближались к семи. Поезд уходил в девять. Поместье отца в трёх часах езды. Даже если бы он выехал прямо сейчас, даже если бы лошади летели как ветер, он бы не успел. Физически. Никак.

— Ну и почему в этой книге нет магии? — выдохнул он, и в голосе мелькнула детская, совершенно неуместная досада. — Сейчас бы за секунду оказался дома. Ну может.. Бимбалабам бала.. бум? Хаха.. – лёгкий смех. – Стоило же попробовать? Надо было читать другие книжки.

Он сам усмехнулся своей глупости. Его детская натура всё же не исчезла с возрастом. Не зря говорят, что мужчины взрослеют только к сорока — да и то не всегда. Внутри него всё ещё сидел тот пятнадцатилетний мальчишка, который лежал в больничной палате и мечтал о приключениях. Только теперь приключения были не в книгах, а в жизни. И они были куда опаснее.

Максимилиан покачал головой, отгоняя ненужные мысли. Взял сундук, вышел в коридор и постучал в дверь напротив.

— Марта?

За дверью послышалась возня, тихий шёпот, потом скрип половиц. Дверь открылась, и на пороге появилась пожилая женщина в тёплой шали, накинутой поверх ночной рубахи. Седые волосы, собранные в небрежный пучок, добрые глаза, испещрённое морщинами лицо. Нянечка Марта — един-

ственная прислуга, последовавшая за ним в его новый дом. Она служила ещё при матери, вынянчила его с младенчества и осталась верна ему даже тогда, когда он отрёкся от рода. Её муж, старик Густав, выглядывал из-за её плеча — сухой, сторбленный, но с живыми, смышлёными глазами.

— Ваша милость? — Марта всплеснула руками. — Вы уже встали? А я думала, вы спите...

— Не спал, — коротко ответил Максимилиан. — Уезжаю. Поезд через два часа.

Марта охнула, прижала руки к груди. Густав вышел вперёд, опираясь на палку.

— Куда вы направляетесь? — спросил он хрипло.

— В столицу. — Максимилиан поставил сундук у порога и вытащил из кармана сложенный лист бумаги. — Густав, я оставляю тебе поручение. Оставшийся багаж отправишь вслед за мной. Вот адрес. Как только всё уладишь — приезжайте с Мартой. Я вас жду. Меня перевели по службе.

Старик взял бумагу, кивнул, не задавая лишних вопросов. Он давно привык к поручениям молодого господина — письма, посылки, мелкие дела. Но в этот раз всё было серьёзнее. Максимилиан видел это по его лицу. Густав понимал, что это не просто отъезд. Это начало чего-то нового.

— А как же молодая госпожа Канна? — тихо спросила Марта. — Вы её не повидаете?

Максимилиан замер. Сестра. Канна. Он не видел её год — с тех пор, как отрёкся от рода и ушёл из поместья. Она

писала ему письма, короткие, тёплые, но он не отвечал. Не мог. Слишком больно было помнить, что он бросил её там. С отцом. В доме, который стал для него тюрьмой.

— Не успею, — сказал он наконец. — Передайте ей... — он замолчал, подбирая слова. Что передать? Что он жив? Что он вернётся? Что он сделает всё, чтобы вытащить её оттуда? Всё это звучало слишком громко и слишком пусто. — Передайте, что я напишу. Как устроюсь.

Марта посмотрела на него долгим, понимающим взглядом. Она знала больше, чем говорила. Она всегда знала. Но она никогда не лезла не в своё дело. Просто кивнула.

— Храни вас бог, ваша милость.

Максимилиан подхватил сундук, шагнул к двери, но на пороге обернулся.

— Как закончите с делами, я вас жду у себя. Адрес вы знаете.

Он вышел на улицу. Утро было холодным и ясным. Небо очистилось от туч, и над городом вставало бледное сентябрьское солнце. Максимилиан вдохнул полной грудью, поправил воротник шинели и зашагал в сторону вокзала.

Поезд ждал. Столица ждала. И где-то там, впереди, ждала она — графиня Иветт Айлиз ван Равилофт. Девушка, которая должна была расследовать его дело. Но дела не было. По крайней мере, пока. У него был целый месяц. Время, которое он не собирался тратить впустую.

Глава 2

Погрузившись в своё купе, Максимилиан устроился у окна и развернул газету. Старое хобби не отнять — даже здесь, в дороге, руки сами тянулись к печатному слову. Пусть это была всего лишь газетка, забытая кем-то на скамье у входа, но он читал её с тем же вниманием, с каким когда-то, в прошлой жизни, глотал книги. Слова успокаивали. Слова давали опору.

Дорога до столицы занимала три дня. Поезд шёл из глубинки — из деревушки Тичэртон, затерянной среди холмов и болот, — и тянулся через половину империи. Глоербург, родной город Максимилиана, был одной из первых крупных станций на этом пути. Здесь он и сел. Поезд вздрогнул, дёрнулся и медленно пополз прочь. За окном поплыли мокрые поля, редкие перелески, серые деревни с покосившимися крышами. Дождь стучал по стеклу, смывая пейзаж в размытые пятна.

Столица называлась Диувэйл. Город, куда он теперь держал путь.

Максимилиан откинулся на жёсткую спинку сиденья и прикрыл глаза. Газета лежала на коленях, но он её уже не читал. В голове всплыло старое воспоминание — детское, тёплое, пахнущее кухней и хлебом.

Он сидел на табурете у печи, а Марта месила тесто. Её

руки, покрытые мукой, двигались уверенно и мягко, и голос звучал так же мягко — низкий, певучий. Она рассказывала ему сказку. Одну из тех, что рассказывают детям перед сном. О создании их государства.

Максимилиан помнил её почти слово в слово.

Более тысячи лет назад родился человек с нечеловечьей силой. Он не знал жалости, не знал страха, не знал усталости. Он захватывал земли, сжигал города, подчинял племена и народы. Он желал власти — всей, до последней песчинки. Его боялись, ему поклонялись, его проклинали. Но ничто не могло его остановить.

А потом случилось то, чего не ожидал никто.

Пробудился маг — посланник божий, свет среди тьмы. Он вышел против злодея и погубил его. А затем сам стал новым правителем. Фиад Диувэйл — так его звали. Он основал империю, дал ей законы, установил порядок. И с тех пор императорский род сменялся лишь среди чистокровных родственников — кровь Фиада текла в жилах каждого правителя.

Максимилиан усмехнулся, не открывая глаз.

В мире, где нет магии. В мире, где происходит техническая революция — паровозы, телеграфы, газеты, фабрики. В мире, где каждый день кто-то изобретает что-то новое, где учёные спорят о природе электричества, где старые верования уступают место расчёту и опыту. И всё же здесь, в этом мире, до сих пор рассказывают байки о магах.

Люди — мечтатели. В любом мире. Даже когда они строят машины и прокладывают рельсы, они всё равно оглядываются в прошлое и ищут там чудо. Может быть, потому что без чуда страшно. Может быть, потому что хочется верить, что где-то есть сила, которая больше тебя. Что кто-то — бог, маг, судьба — всё-таки следит за этим миром и не даёт ему провалиться в хаос.

Он открыл глаза и посмотрел в окно. За стеклом тянулись бесконечные поля, серые под низким небом. Где-то там, далеко на востоке, был Диувэйл. Столица. Город, где вершились судьбы империи.

И куда он, Максимилиан, возвращался спустя много лет.

Последний раз он был в Диувэйле ребёнком. Тогда ему было десять. Отец взял его с собой — впервые и, как оказалось, в последний раз. Причина была торжественная: коронация нового императора.

Экберт Александрос ван Энкас Блойме.

Максимилиан помнил тот день смутно, урывками — так, как помнят дети: яркими пятнами, запахами, звуками. Огромный дворец с золотыми шпилями, уходящими в небо. Толпы людей на площадях — не сосчитать. Музыка, от которой дрожал воздух. Знамена с гербом империи — чёрный орёл на багровом поле. И сам император — молодой, высокий, с усталым лицом человека, который слишком рано взвалил на себя ношу.

Экберт был единственным наследником престола. Его

старший брат, Элуис Андре ван Энкас Блойме, погиб на войне — на той самой войне, что едва не разорвала империю на части. Это было страшным ударом по стране. Люди шептались: династия падёт, враги воспользуются слабостью, начнётся смута. Но Экберт выстоял. Он удержал страну от падения. Он стал солнцем империи — так говорили о нём в те дни.

Коронация солнца империи.

Максимилиан помнил, как стоял в толпе рядом с отцом, сжимая его холодную руку. Отец смотрел на императора с непроницаемым лицом. Тогда Максимилиан не понимал, что это значит. Теперь понимал: отец оценивал. Прикидывал. Искал выгоду. Он всегда искал выгоду.

А сам Максимилиан просто смотрел на золото и свет. Ему было четыре. Ему казалось, что он попал в сказку. Он ещё не знал, что сказок не бывает. Что магов нет. Что чудеса — это только слова, которыми взрослые прикрывают свою жестокость.

Он не знал, что вернётся сюда спустя девятнадцать лет. Не как сын герцога, не как наследник, не как гость на празднике. Поезд стучал колёсами по рельсам, отсчитывая вёрсты. Три дня. Три дня тишины, дороги и мыслей.

— Что ж, пойду осмотрюсь, — решил Максимилиан, лишь бы снова не погружаться в мысли. Последние дни голова была похожа на шар размером с планету — тяжёлый, гудящий, переполненный.

Он поднялся с места и вышел в коридор. Поезд мерно покачивало, колёса отбивали дробь по стыкам рельсов, за окнами тянулась бесконечная серая равнина. Максимилиан шёл по узкому проходу, держась за поручни, и ловил себя на мысли, что уже давно не бывал среди людей просто так. Вагон-ресторан встретил его тёплым светом и запахом кофе. Красные бархатные сиденья, деревянные столы с латунными лампами, белые скатерти — всё это напоминало декорации из старых фильмов, которые он видел в прошлой жизни. Он занял свободный стол в середине вагона, у окна, и откинулся на спинку.

Люди вокруг говорили. Тихие голоса, смех, звон посуды. Максимилиан любил наблюдать за ними — угадывать, кто они, откуда, куда едут. Профдеформация? Возможно. Но это доставляло ему почти детское удовольствие. Он загорался, как ребёнок при виде любимой сладости, когда удавалось подметить что-то, чего другие не видели: нервное постукивание пальцев, слишком ровную спину, взгляд, который слишком часто косится на дверь.

— Что желаете, господин? — официантка, молодая девушка с усталой улыбкой, остановилась у его стола.

— Одну чашку чая, — ответил Максимилиан.

— Две, — раздался женский голос сбоку.

Он обернулся. Рядом стояла девушка — миловидная, с тёмно-каштановыми волосами, убранными в простую причёску, и уверенным взглядом зелёных глаз. Одета скромно,

но с той аккуратностью, которая выдаёт либо гувернантку, либо аристократку, решившую не привлекать внимания. Она смотрела на него прямо, без смущения.

— Извините за грубость, — сказала она. — Могу ли я составить вам компанию? Все столы заняты.

Максимилиан окинул взглядом вагон. И вправду — полон. Свободных мест не было. Он кивнул и указал ей на место напротив.

— Что ж, тогда две чашки чая.

— Благодарю. Вы очень учтивы.

Девушка села, аккуратно поправила юбку, положила руки на стол. Через несколько минут официантка принесла две чашки ароматного эрл грея. Пар поднимался над фарфором, смешиваясь с запахом бергамота и чего-то ещё — тёплого, почти домашнего.

— Какой приятный аромат, — девушка сделала глоток, и её глаза хитро блеснули. — Меня кое-что заинтересовало. Позвольте спросить?

— Спрашивайте.

— Вы ведь господин Максимилиан Халгрейм? Простите-простите, — она прижала руку к груди, — видела ваше фото в газете.

Максимилиан улыбнулся — выученная, милая улыбка, которая ничего не значила. Он привык к этому. Газеты сделали из него легенду, и люди часто узнавали его на улицах. Одни смотрели с восхищением, другие — с завистью, третьи

— с плохо скрытым страхом.

— Так вы меня знаете? Приятно слышать.

— Куда направляетесь? В столицу?

— Вы довольно наблюдательны. Как угадали?

— Лишь предположила. Ведь сама держу туда путь. —

Она отпила ещё глоток. — В любом случае для меня большая честь познакомиться с таким человеком, как вы.

— Вы мне льстите. Хотя я вашего имени до сих пор не знаю.

Девушка поставила чашку и посмотрела на него внимательнее. В её взгляде было что-то, что ему не понравилось. Что-то оценивающее. Слишком взрослое для её лет.

— Вы любите наблюдать за людьми? Ваш взгляд часто направлен в сторону. — спросила она.

— А вы переводить темы?

Её глаза сузились, и она засмеялась — искренне, легко, неожиданно.

— Ладно, туше, господин Халгрейм. Иветт Равилофт, рада знакомству.

Она протянула руку. Максимилиан немного опешил.

Иветт Равилофт.

Графиня Иветт Айлиз ван Равилофт. Главная героиня книги. Та, что должна была расследовать его смерть. Что она делала в этом поезде? Почему она выглядела иначе?

В книге её описывали как золотоволосую — светлую, почти светящуюся, с изящностью лебедя. А эта девушка бы-

ла шатенкой, с тёмными волосами и зелёными глазами. Никакого золота, никакого сияния. Только уверенный взгляд и слишком спокойная улыбка.

Может, книга врала? Может, обложка была художественным вымыслом? Или она изменила внешность? Зачем?

Он взял её руку. Пальцы у неё были прохладные, но пожатие — твёрдое.

Девушка заметила его замешательство. Её зелёные глаза сузились, и она легко, почти беззаботно рассмеялась.

— Ох этот взгляд... Вы явно удивлены. Знаете меня? Ха-ха, расслабьтесь. Мне было лишь интересно взглянуть на вас живую, раз представилась возможность. Связи налаживать стоит до того, как кто-то станет крупной фигурой. Вы так не думаете?

Она отпустила его руку и чуть склонила голову набок, продолжая улыбаться. В этой улыбке было что-то такое, от чего Максимилиан почувствовал себя не охотником, а дичью.

Он не любил это чувство. Совсем не любил.

— Согласен, связи в нашем мире играют немалую роль, — медленно проговорил он, не отводя взгляда. — Однако что лучший следователь империи забыл в этом поезде?

Улыбка Иветт не дрогнула. Она лишь чуть приподняла бровь — то ли от удивления, то ли от удовольствия. Видимо, ей понравилось, что он не стал играть в неведение.

— Лишь личные обстоятельства, — ответила она с хит-

рой и при этом почти невинной улыбкой. — Буду благодарна, если оставите нашу встречу маленьким секретом. Не хочу лишних слухов.

Максимилиан задумался. Она стелила мягко. Слишком мягко. Каждое слово — как шёлк, который скользит сквозь пальцы, стоит только попытаться ухватить. Он знал таких людей. Они умели говорить правду так, что она выглядела ложью, и ложь так, что она казалась правдой. Работал с ними. Ловил их. Иногда — проигрывал.

Доверять ей он не стал.

— Раз не хотите привлекать внимания, — сказал он ровно, — то пусть будет так.

— Знала, что поймёте. — Она чуть наклонилась вперёд, и в её голосе мелькнула тёплая, почти дружеская нотка. — Вы ведь тоже сейчас популярная персона. Устаёшь от постоянного ненужного внимания.

Это прозвучало гладко. Слишком гладко. Как хорошая отговорка, к которой не подкопаешься. Максимилиан отметил это про себя и мысленно поставил галочку.

— Хорошей вам дороги, Максимилиан Халгрейм, — сказала она, поднимаясь. — И благодарю, что скрасили моё время.

Она оставила на столе недопитую чашку. На секунду их взгляды встретились — и Максимилиан увидел в её глазах не любопытство, не восхищение, не кокетство. Он увидел расчёт. Холодный, спокойный, профессиональный расчёт. Она

знала, кто он. Откуда едет. Куда направляется. С самого начала. Она знала больше, чем говорила.

— До встречи, господин Халгрейм, — сказала она и ушла.

Дверь вагона закрылась за ней с мягким щелчком. Максимилиан остался сидеть, глядя на опустевшее место напротив. На столе остывала её чашка — тонкий фарфор, тёмный ободок от чая. Он провёл пальцем по краю своей чашки, не отпив ни глотка.

Лучший следователь Империи. В поезде из глубинки в столицу. Под чужим именем? Нет, она назвалась настоящим. Личные обстоятельства. Смешно. У таких людей, как она, не бывает личных обстоятельств. У них бывают задания. Поручения. Дела, которые нельзя доверить никому другому.

Максимилиан медленно допил остывший чай. Горький, терпкий, уже не тот, что вначале. Он поставил чашку на стол. Голова снова набухла мыслями.

— Чёрт его дери, отдохнул, — выругался молодой господин и вздохнул, протерев лицо ладонью.

В голове не укладывалось: зачем он ей? И почему их встреча произошла именно здесь?

Максимилиан предполагал, что может пересечься с главной героиней, отправившись в столицу. Это было логично — рано или поздно их пути должны были сойтись. Ведь она была подчинённой одного из наследных принцев. Его правой рукой. Личной ищейкой. Имя, которое звучало как гром среди ясного неба для всех преступников империи. Её заслуги

и мизинца не стоили тех деяний, которые она совершила — в восемнадцать лет, с умом острее клинка и хладнокровием, которому позавидовал бы любой генерал.

А тут она решила лично познакомиться?

Не послала записку. Не вызвала через канцелярию. Не устроила официальную встречу. Просто под села в поезде, в вагоне-ресторане, как обычная попутчица. Заказала чай. Улыбнулась. Назвалась.

Это не было случайностью. Такие люди, как Иветт Равилофт, не делают ничего случайно. Каждый их шаг — ход в игре, каждая улыбка — маска, каждое слово — оружие. Если она села за его стол, значит, у неё была причина. И эта причина ему не нравилась.

Может, она проверяла его? Хотела оценить или прицелиться? Понять, кто он на самом деле. А может, за этим стояло что-то большее. Максимилиан поёжился.

— Господин, с вами всё хорошо? — официантка остановилась у стола, забирая чашку. Максимилиан поднял голову и улыбнулся — вежливо, спокойно, ничем не выдавая бури внутри.

— Да, простите. Просто задумался. Благодарю за чай.

Она кивнула и ушла. Максимилиан снова остался один. Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Ладно. Если она хочет играть — он будет играть. Он адская ищейка, хоть это имя забавляло парня, всё же тешило его самолюбие. И если графиня ван Равилофт решила, что

может просто подсесть к нему за стол и исчезнуть, оставив его с вопросами, — она ошибалась. Он найдет ответы. Так или иначе.

Следующие дни Максимилиан так и не встретил графиню.

Он выжидал её в вагонах — проходил через ресторан, заглядывал в коридоры, искал взглядом знакомую тёмную голову и уверенную осанку. Всё было тщетно. Она будто испарилась. Растворилась в поезде, как дым от папиросы, оставив после себя только недопитую чашку и слишком много вопросов.

Возможно ли такое? В поезде, где каждый вагон на виду, где пассажиры слоняются из конца в конец, где невозможно спрятаться? Максимилиан не верил в исчезновения. Он верил в расчёт. Если она хотела остаться незамеченной, значит, умела. Если хотела, чтобы он её искал, — знала, что он будет искать. И это его злило больше всего.

Дни пролетели один за другим — серые, дождливые, однообразные. Он читал газеты, смотрел в окно, спал урывками. Мысли о графине постепенно отступали, вытесняемые другим: что ждёт его в столице.

И вот — конечная станция. Диувэйл.

Поезд замедлил ход, вздрогнул и остановился. За окном развернулся город — огромный, шумный, живой. Вокзал кишел людьми: носильщики с тележками, дамы в широких шляпах, офицеры в мундирах, торговцы с лотками. Пар от паровозов смешивался с туманом, висел над перроном, и

сквозь него проступали шпили дворца — далёкие, золотые, устремлённые в небо.

Максимилиан сошёл на перрон, сжимая в руке дорожный сундук. Он вдохнул полной грудью — воздух был другой. Не как в Глоербурге. Здесь пахло дымом, каменной пылью и чем-то неуловимым, что бывает только в больших городах: смесью амбиций, денег и страха.

Первым делом он направился в часть, в которую его назначили.

Дорога заняла больше часа. Он шёл пешком, разглядывая город. Столица поражала размахом. Широкие проспекты, многоэтажные дома с лепниной, витрины магазинов, конки на рельсах, газовые фонари — даже днём они казались чёрными стражами на постаментах. Люди спешили, не замечая друг друга. Никто не здоровался. Никто не смотрел в глаза.

А потом он увидел участок.

И остановился.

Это было не здание. Это была крепость. Огромный комплекс из серого камня, с высокими окнами, с тренировочными пристройками, где маршировали солдаты, с отдельным корпусом академии для новобранцев. За коваными воротами виднелись плацы, манеж, оружейные склады. Всё это стояло недалеко от территории дворца — так близко, что тень императорских шпилей падала на крышу главного корпуса.

Максимилиан сжал кулак с вещами. Впервые за долгое время он почувствовал неуверенность. Он ожидал участок.

Пусть большой, пусть столичный, но участок. А это было нечто иное. Это был штаб. Центр. Место, где вершились судьбы всей полицейской системы империи.

Он выдохнул, поправил воротник и направился ко входу.

Внутри пахло воском, порохом и бумагой. Высокие потолки, мраморные полы, портреты начальства на стенах. Люди в мундирах сновали туда-сюда, не обращая на него внимания. Он подошёл к стойке, собираясь назваться, но не успел.

— Добрый день, герцог. Мы ожидали вас.

Голос был женский. Знакомый. Максимилиан обернулся. Перед ним стояла она. Золотые волосы переливались в лучах солнца, падавших через высокие окна. Игривые рубиновые глаза смотрели на него — прямо, уверенно, с той самой улыбкой, которую он запомнил в вагоне-ресторане. Только теперь она была другой. Иветт Равилофт. В своём истинном облики.

Золотые волосы, изящность лебедя — всё, что о ней говорили, оказалось правдой. А то, что он видел в поезде, было маской. Искусной, безупречной, но маской.

— Какого... чёрта? — вырвалось у Максимилиана.

Улыбка Иветт стала шире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.